

УДК 94(481-922.1)''17/18''(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.140

Языковые контакты поморов с норвежцами в ходе экспедиций на Шпицберген во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. *

© МИНАЕВА Татьяна Станиславовна, доктор исторических наук, профессор

E-mail: t.minaeva@narfu.ru

Высшая школа социально-гуманитарных наук Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© КАРЕЛИН Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: karelin_vladimir@mail.ru

Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва», Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Шпицберген, несмотря на свою удалённость от материка и традиционных путей сообщения, представляет собой арктическую территорию, которая привлекает внимание различных государств и народов уже несколько столетий. В XVIII — первой половине XIX вв. архипелаг достаточно активно осваивали поморы, которые занимались здесь зверобойными промыслами. В XIX в. экономический интерес к Шпицбергену проявили норвежцы. В исторических исследованиях неоднократно рассматривались случаи контактов поморов и норвежцев в ходе промысловых экспедиций на Шпицберген, но никто из авторов не изучал вопрос, связанный с языковой коммуникацией поморов и норвежцев в ходе освоения Шпицбергена. В статье на основе междисциплинарного подхода и анализа документальных и литературных источников сформулирована гипотеза о практике осуществления поморско-норвежских контактов, в том числе на основе руссенорска. Исследование предлагает новый вопрос для научных дискуссий как историков, так и лингвистов, что может послужить основой для дальнейшего развития международного сотрудничества Норвегии и России.

Ключевые слова: освоение Шпицбергена, зверобойные промыслы, поморско-норвежская торговля, поморско-норвежские контакты, руссенорск, языковые контакты.

Language contacts between Pomors and Norwegians during expeditions to Svalbard in the second half of the 18th — first half of the 19th centuries

© Tatiana S. MINAEVA, Doc. Sci (Hist), professor

E-mail: t.minaeva@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Vladimir A. KARELIN, Cand. Sci (Hist), associate professor

E-mail: karelin_vladimir@mail.ru

Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev, St. Petersburg, Russia

Abstract. Svalbard, despite its remoteness from the mainland and traditional routes of communication, is an Arctic territory that has been attracting the attention of various countries and peoples for several centuries. In the 18th — first half of the 19th century, the archipelago was actively developed by Pomors, en-

* Для цитирования:

Минаева Т.С., Карелин В.А. Языковые контакты поморов с норвежцами в ходе экспедиций на Шпицберген во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. // Арктика и Север. 2020. № 38. С. 143–154. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.140.

For citation:

Minaeva T.S., Karelin V.A. Yazykovye kontakty pomorov s norvezhtsami v khode ekspeditsiy na Shpitsbergen vo vtoroy polovine XVIII — pervoy polovine XIX vv. [Language contacts between Pomors and Norwegians during expeditions to Svalbard in the second half of the 18th — first half of the 19th centuries]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 38, pp. 143–154. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.38.140.

gaged in mammal hunting there. In the 19th century, Norwegians revealed their economic interest in Svalbard. Historical studies have repeatedly examined the cases of contacts between Pomors and Norwegians during mammal hunting expeditions to Svalbard, but none of the authors have studied the language contacts between Pomors and Norwegians during the development of Svalbard. The authors used an interdisciplinary approach and analyzed documentary and literary sources to formulate a hypothesis about the practice of Pomor-Norwegian contacts, incl. those in Russenorsk. The study presents a new issue for scientific discussions by both historians and linguists, which can serve as a basis for the development of international cooperation between Norway and Russia.

Keywords: *development of Svalbard, mammal hunting, Pomor-Norwegian trade, Pomor-Norwegian contacts, Russenorsk, language contact.*

Введение

История освоения Шпицбергена — это многогранная тема, которая позволяет изучать такие процессы и явления, как складывание и развитие международных отношений в области использования арктических природных ресурсов [1, Hacquebord L.], арктического мореплавания и внешней торговли [2, Thuen T.], комплексных исследований территории архипелага [3, Avango D., Hacquebord L., de Haas H.R., Kruse F., Aalders Y.I., Gustafsson U.I.], адаптации человека к суровым климатическим условиям [4, Jasinski M.E.] и так далее. В исторических документах и исследованиях российских и зарубежных авторов неоднократно упоминались случаи контактов поморов и норвежцев в ходе промысловых экспедиций на Шпицберген во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Большая часть исследователей только констатировала такого рода контакты, потому что не имела целью изучение взаимодействия поморов и норвежцев в ходе этих промыслов. Например, М. Конвей [5, с. 273–274] и Т.Б. Арлов [6, с. 147, 150] подготовили обширные монографии об истории освоения Шпицбергена в целом, а А.Ф. Шидловский [7] и В.Ю. Визе [8, с. 44, 56, 62] собирали, прежде всего, информацию о поморских промыслах на архипелаге, хотя в каждой из указанных работ можно найти краткие сведения о поморско-норвежских контактах. Более подробную информацию об участии поморов в норвежских экспедициях начала XIX в. сообщают О. Лене [9] и Й.П. Нильсен [10], которые приводят некоторые фактические подробности ведения промыслов. Однако никто из авторов, кроме Й.П. Нильсена, не задумывался о проблеме общения поморов и норвежцев, о том, на каком языке осуществлялись эти контакты. Данный вопрос является важным в контексте, во-первых, выявления особенностей развития поморско-норвежских отношений, в том числе в ходе освоения Шпицбергена, во-вторых, изучения руссенорска как языка, который появился и развивался как раз в этот период времени. В работе «Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814–1917» Й.П. Нильсен высказывает предположение, что промышленники использовали руссенорск, но пишет, что документальных подтверждений этому нет [11, Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814–1917, с. 182]. В распоряжении историков действительно пока нет архивных документов, дающих точный ответ на вопрос о том, на каком языке говорили между собой поморы и норвежцы на Шпицбергене, но есть материалы, которые помогают исследовать эту проблему.

Свидетельства поморско-норвежских контактов в ходе промысловых экспедиций на Шпицберген

О контактах поморов с норвежцами во время промысловых экспедиций на Шпицберген известно с середины XVIII в. Об одном из таких кратких контактов в 1744 г. сообщает Т. Хультгрэн [12, с. 197]. Она нашла в протоколах пограничного досмотра сообщение норвежского майора Петера Шнитлера о встрече в Талвике (Альте) с русским кормщиком из Архангельска, который зимовал здесь со своей командой в ожидании «доброго ветра» к Шпицбергену. Кормщик также рассказал норвежцу, что команда русского промыслового судна обычно состоит из 10 человек.

О складывании поморско-норвежских отношений был также осведомлен М.В. Ломоносов. В 1764 г. он занимался подготовкой арктической экспедиции В.Я. Чичагова и узнал от промышленника Амоса Корнилова, что поморские суда часто гибнут по дороге на Шпицберген или на обратном пути и некоторые спасаются выездом на малых судах в Норвегию [13, Перевалов В.А., с. 244]. Документы о подобном случае опубликованы в исследовании Брызгалова В.В., Овсянникова О.В., Ясински М.Э. [14, с. 31–32].

В 1759 г. два поморских судна по дороге на Шпицберген затёрло льдами, но люди спаслись в малых карбасах, которые брали с собой на промыслы. Ветрами их забросило на необитаемый остров Камень в Финмарке. Туда иногда приезжал норвежец Андреас Петерсон, чтобы косить сено, он и нашёл на острове 15 человек, из которых только четверо могли ещё ходить. А. Петерсон привёз их в Хаммерфест, оттуда местный пастор Клаус Христиан Килштруп и торговец Петер Бурх организовали спасательную экспедицию и привезли оставшихся в живых, но умиравших от голода поморов в Хаммерфест. Через 14 дней русские выздоровели, и им дали судно, на котором они смогли вернуться домой и которое обещали вернуть. Позднее возникла проблема с возмещением убытков норвежцев, т.к. поморы судно не вернули. Но отношения были урегулированы, когда российские купцы, нанимавшие промышленников, согласились заплатить за судно и компенсировать другие издержки, когда получат известие о размере долга.

Ещё одна встреча норвежцев с остановившимися по дороге на Шпицберген поморами положила начало организации совместных русско-норвежских промыслов на архипелаге. В 1778–1779 гг. в Хаммерфесте зимовал с судном и своей командой кормщик Филат Семёнов, который собирался следующим летом на Шпицберген. Норвежский торговец Петер Кристиан Бук договорился с ним о том, что Ф. Семёнов возьмёт с собой сына Бука — Эдварда и ещё 4 норвежцев. 23 мая 1779 г. судно «Морж» отправилось из Хаммерфеста, но, дойдя до Медвежьего острова, застряло во льдах и вынуждено было вернуться в Варде. По дороге Эдвард Бук заболел и в Варде умер¹. Неудача экспедиции и тяжёлая утрата заставили фирму Бук на время отказаться от новых попыток совместных экспедиций.

¹ Edvard Kraft Petersen Buck (1752-1779). Genealogy. URL: <https://www.geni.com/people/Edvard-Kraft-Buck/6000000004658001632> (дата обращения: 12.12.2019).

В конце XVIII в. датские власти отменили торговые монополии в северных провинциях Норвегии и разрешили вести непосредственную торговлю с поморами, в том числе меновую. Норвежские поселения в Финмарке — Варде, Тромсё, Хаммерфест — получили статус городов. Предоставленная свобода торговли создавала условия для новых инициатив, в том числе совместного характера. Первая зимовка норвежских промышленников на островах архипелага состоялась в 1794–1795 гг. Экспедицию вновь организовала торговая фирма купцов Бук из Хаммерфеста. Судно для экспедиции купили в России. Команда состояла из норвежцев, саамов и русских, в том числе кормщика и гарпунера². Вероятно, торговая фирма Бук опять наняла для экспедиции одного из русских кормщиков, посетившего Хаммерфест в ходе экспедиции на Шпицберген, позволив ему взять с собой несколько поморов его команды. Три человека в ходе зимовки погибли (двое от цинги, один — на промысле), среди них русский промышленник Никифор Странов [15, Арлов Т.Б., с. 147].

Результат зимовки оказался не таким значительным, в особенности с учётом погибших членов команды, чтобы появилось большое количество желающих последовать примеру фирмы Бук. Кроме того, останавливала неизвестность условий и техники ведения промыслов, отсутствие информации о местах постоянного обитания морских животных в окрестностях архипелага, требовалось дополнительное подтверждение выгоды рискованных арктических плаваний. Об этом постепенно становилось известно в ходе постоянного общения с русскими кормщиками и промысловиками.

Как показывают норвежские источники, регулярные плавания норвежцев на Шпицберген начались с 1819 г.³ До этого времени известны лишь случайные встречи поморов и норвежцев на островах архипелага. Из допросов русских промышленников о Шпицбергене, опубликованных в 1818 г., следует, что, по мнению поморов, архипелаг был полностью необитаем и никого из людей они там не встречали⁴. В 20-х гг. XIX в. норвежцы организовали уже около 60 промысловых экспедиций на архипелаг. С 1821 г. в промысле на архипелаге начинает участвовать Тромсё, но лидерство по-прежнему остаётся за Хаммерфестом.

Повышение промысловой активности норвежцев закономерно привело к появлению в документах и газетах свидетельств контактов норвежских и поморских промысловых экспедиций. Так, например, в 1835 г. шкипер норвежской шхуны «Патриот» И.К. Лодгард на самом севере архипелага видел 2 русские ладьи с командой зимовщиков, первоначально состоявшей из 32 человек, четверо из которых умерли, а пятеро были больны [9, Lønø O., с. 24]. В этом же году на Шпицберген отправилось судно «Зосима и Савватий» с командой из 16 человек под началом кормщика Герасима Осипова. Полукоормщик Василий Калинин за по-

² Самойлович Р. Остров Шпицберген и первая русская научно-промысловая экспедиция // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 4. С. 164. URL: <https://ekb.aonb.ru/index.php?id=70&year=1913> (дата обращения: 15.12.2019).

³ Noen ord om den forste ishavsfangsten fra hammerfest. URL: <http://polarlitteratur.no/tekster/minner-fra-polaregnene/noen-ord-om-den-forste-ishavsfangsten-fra-hammerfest/> (дата обращения: 15.12.2019).

⁴ Допросы русских промышленников о Шпицбергене. URL: https://www.kolamap.ru/library/doc/1818_dopros.htm (дата обращения: 15.12.2019).

ножовщину по пути к Шпицбергену был снят с судна в Норвегии и взят под стражу. Судно продолжило плавание, но попало в шторм и потерпело кораблекрушение недалеко от архипелага. Норвежское судно шкипера Абрагама Гамена спасло поморов. Они были доставлены в Хаммерфест, где кормщик Г. Осипов рассказал о происшествии, был «приведен к присяге и отпущен», матросы с разбитого судна «подтвердили, что всё сказанное Осиповым — правда, и после присяги были отпущены» [14, Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э., с. 56]. Вероятно, об этом спасении упоминается также в работе Т.Б. Арлова, когда автор пишет о спасении летом 1835 г. норвежскими кораблями «Трифан» и «Фортуна» экипажей двух поморских судов, отправившихся на промыслы на Шпицберген [6, Арлов Т.Б., с. 150].

О двух трагических происшествиях на Шпицбергене в 1851 г. достаточно хорошо известно. В 1851 г. промысловая экспедиция под руководством крестьянина Кемского уезда Ивана Гвоздарёва закончилась многочисленными убийствами её членов. Только трое — братья Василий и Яков Исаковы и Петр Дружинин возвратились живыми, объявив, что остальные члены команды погибли в ходе промыслов на Шпицбергене. В ходе следствия выяснилось, что, убив кормщика и бросив на острове двоих промышленников, преступники, захватив судно, отправились в Норвегию, выкинув за борт по дороге ещё троих человек. В Берлевоге, продав имущество Гвоздарева, на вырученные деньги напились и задушили ещё одного члена команды. Оставшиеся трое вернулись домой⁵.

Ещё одна трагедия произошла в 1851 г. с экспедицией на судне «Св. Николай», которое отправилось из Архангельска с кормщиком Василием Калининым на архипелаг. 12 из 18 членов его экспедиции умерли от цинги. Оставшиеся в живых не могли уплыть с острова, так как бухта была скована льдом. 3 июля к поморам случайно зашли норвежцы, также занимавшиеся промыслом, и обещали помощь. Через два дня в становище поморов прибыли 9 норвежцев; вместе с ними сохранявшие способность двигаться 3 русских промышленников смогли прорубить во льду путь для судна. 12 июля 6 поморов с помощью 4 норвежцев отправились в путь и 23 июля прибыли в Хаммерфест. «Св. Николай» остался там на зимовку, а оставшиеся в живых члены экипажа на разных судах отправились к местам своего жительства⁶.

Документальные материалы и этнографические очерки показывают, что путь поморов на Шпицберген всегда проходил с несколькими остановками, одна из которых могла быть в Норвегии (например, в Варде). Здесь они дожидались благоприятной для плавания погоды, пережидали шторм, пили-гуляли, тратя полученные в задаток деньги⁷. Остановка в норвежском порту могла длиться от нескольких дней до нескольких недель. Обратный путь промышленников также мог проходить через какое-то норвежское поселение. В нём кормщик мог продать добычу или её часть: «Все эти мужички: промышленники и лентяи, стрелки и

⁵ ГААО. Ф. 2. Оп.1. Д. 5100. Л.11-72.

⁶ ГААО.Ф.1. Оп.4. Т. 1. Д. 1291. Л. 1-13об.

⁷ Максимов С.В. Год на Севере. М., 1890. С. 556. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/maks/imov/> (дата обращения: 15.12.2019).

неумельные держат в кармане денежки кормщика до тех пор, пока не приедут в какой-нибудь Варгаев. Тут они, по словам их, «закуделят», то есть опять возобновляют свои оргии, до тех пор гуляя, пока норвежцы насильно не втащат их на ладью по усиленным просьбам кормщика»⁸. После посещения Норвегии поморам оставалась уже более легкая часть пути домой.

По приведённым материалам можно сделать вывод, что контакты поморов с норвежцами в ходе промысловых экспедиций на Шпицберген являлись нередким явлением. Российские промышленники могли останавливаться в Норвегии по дороге на Шпицберген и обратно, входили в состав совместных с норвежцами промысловых экспедиций, встречались на архипелаге, выживали в кораблекрушениях благодаря помощи норвежцев. Архивные документы и исторические очерки описывают примеры общения, но в них никогда не указывается, на каком языке оно происходило и были ли у собеседников проблемы с пониманием друг друга. Стилистика текста источников и их содержание, независимо от описываемой ситуации, создают впечатление, что поморы и норвежцы могли достаточно свободно общаться в изучаемое время, не имея при этом никаких учебных заведений для изучения языка друг друга.

Норвежско-русский торговый язык

Норвежско-русский торговый язык (руссенорск) появился вследствие развития поморско-норвежской меновой торговли, которая зародилась ещё в период средневековья. Но после того как в XVI в. свободная торговля в Финмарке была запрещена, и монополия на её ведение перешла к бергенским и тронхеймским купцам, официальные торговые связи поморов с купцами Северной Норвегии прекратились. Однако нелегальная торговля продолжалась, т.к. поморы встречались с норвежцами на рыбных промыслах у берегов Северной Норвегии и совершали взаимовыгодный обмен муки на рыбу. После отмены монополий в 1789 г. объёмы торговли стали постепенно расти.

В годы континентальной блокады Англии произошло укрепление торговых связей Архангельска и Северной Норвегии. В 1806 г. в связи с осложнившейся международной обстановкой экспорт хлеба из балтийских и беломорских портов был прекращён, однако для Норвегии российское правительство сделало исключение. Английский флот блокировал датско-норвежскую торговлю с западными странами. В Норвегии из-за дефицита хлеба начался голод, и для спасения населения Россия по просьбе Дании разрешила экспорт ржи и пшеницы зерном и мукой из Архангельска⁹.

Расширение торговых связей вело к появлению и развитию особого контактного языка, пиджина [15, Peterson R.E., с. 249]. Появление пиджина (в том числе руссенорска) объясняет, например, полигенетическая теория, согласно которой пиджин может возникнуть

⁸ Харитонов А. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене) // Отечественные записки. 1849. Т. LXVI. № 10. С. 294.

⁹ ГАО. Ф.4. Оп.3. Д. 432. Л.1-7.

спонтанно везде, где для него заложены условия, т.е. где есть потребность в общем языке между людьми, которые не имеют иных средств общения [16, Broch I., Jahr E.H., с. 20].

Норвежцы, участвовавшие в товарообмене, не знали русского языка, как поморы не знали норвежского. Однако обе стороны испытывали потребность в общении и пытались использовать для общения известные слова не только русского и норвежского, но и голландского, немецкого, английского, саамского языков.

Доктор экономических наук Д. Харпер, анализируя знаки и знаковые системы в торговле, пояснял, что пиджин — это спонтанно возникшая социальная технология или институт. Пиджин снабжает участников эффективным средством коммуникации в торговле, потому что проще и дешевле принять существующую систему знаков, чем изобретать свою собственную [17, Harper D.A., с. 65]. Исходя из представления о равноправном положении участников поморско-норвежской торговли и равной их заинтересованности в торговых операциях, он также высказал предположение, что «симметрия обменных отношений также привела к аналогичным пропорциям слов из русского и норвежского языков, внесённых в лексикон руссенорска» [17, Harper D.A., с. 66].

Эти положения можно дополнить выводами лингвиста Э. Яхра, который писал, что давний контакт между двумя социально равными языками может также дать собственно пиджин, если потребности в изучении языка друг друга не существует из-за ограничения прямого контакта [18, Jahr E.H., с. 107]. Поморская торговля в Норвегии носила сугубо сезонный характер и имела место в летние месяцы. Не имея возможности приготавливать из летнего улова более ценный продукт (сушеную рыбу), идущий, преимущественно, в Испанию и Италию, норвежцам приходилось эту рыбу или солить, или в свежем виде сбывать русским. Ограниченный период поморско-норвежской торговли определял и соответствующую «сезонность» использования руссенорска, как считают его исследователи [19, Lunden S.S., с. 213]

Руссенорск начал развиваться, вероятно, во второй половине XVIII в. и полностью сложился к началу XIX в. со своей лексикой и грамматикой. Основная лексика была связана с торговыми сделками, включая слова, обозначающие различные названия товаров и цен, взвешивание, условия платежа и обвинение в краже. Язык позволял обсуждать погодные условия и маршруты мореплавания, части судна, виды социального взаимодействия — работу, посещение церкви, чаепитие, употребление спиртных напитков.

В Северной Норвегии этот язык называли «моя-по-твоя» или «как шпрек» (как сказать). М.М. Пришвин, посетивший Хаммерфест в 1907 г., был очень удивлён, услышав разговор помора с местной девушкой на каком-то странном языке, в котором писатель узнал английские, русские и немецкие слова. Помор договорился с девушкой на этом языке о проживании в доме норвежца, куда он пришел вместе с писателем. Далее М.М. Пришвин пи-

шет, что это «особый русско-норвежский воляпюк, называемый здесь попросту: «моя по твоя»¹⁰.

По мере развития поморско-норвежской торговли, появления законодательно закреплённых привилегий её участников и распространения этих привилегий на новые поморские поселения увеличивалось количество судов, пришедших из Архангельской губернии в Норвегию. Наибольшее их число традиционно отправлялось из Архангельска, Онеги, Колы, Кеми и Сумского посада, хотя занимались торговлей также жители Мезени, Шуи, Сороки и других поселений.

Как было установлено норвежскими исследователями, расширялся постепенно и ареал использования руссенорска: в начале XIX в. язык был распространён прежде всего в районе крупных торговых центров Финмарка и Тромса, а к 1840-м гг. — на территории от Колы до Тромсё [16, Broch I., Jahr E.H., с. 68]. О лёгкости коммуникации между норвежцами и поморами в начале XX в. свидетельствовал М.М. Пришвин: «Я вдруг чувствую наконец всё легкомыслие своей поездки в Норвегию без путеводителя, без подготовки. Пока были со мной поморы я ехал как по России, и вот теперь только чувствую свою беспомощность»¹¹.

Как следует из сохранившихся источников конца XIX — начала XX в., руссенорск знали торговцы, рыбаки, таможенники, русские консулы из норвежцев, которые иногда выступали в качестве третейского судьи в торговых спорах между русскими и норвежцами. Однако следует отметить, что уже в середине XIX в. с норвежской стороны на руссенорске говорили только рыбаки и их семьи, в своей работе пиджин использовали при необходимости консулы и таможенные служащие. Торговцы-оптовики начали учиться русскому языку и стали воспринимать руссенорск как примитивный язык, недостойный использования. Поморы тоже стали учиться и обучать своих сыновей норвежскому языку, например, в Кемской шкиперской школе.

Практика языковой коммуникации поморов и норвежцев в ходе промысловых экспедиций на Шпицберген: гипотеза и выводы

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на то, что общение между русскими промышленниками и норвежцами проходило: а) на территории норвежских поселений, куда заходили поморские суда по дороге на Шпицберген и обратно, б) на архипелаге во время промыслов.

В том случае, когда поморские экспедиции, следуя сложившейся традиции, зимовали в Норвегии, чтобы как можно раньше весной отправиться на промыслы, их участники должны были или владеть руссенорском, или постепенно выучить необходимое для общения количество норвежских слов. Как писал С.В. Максимов со слов помора, «Прежде ты с ним на

¹⁰ Пришвин М.М. За волшебным колобком. URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/za-volshebnyim-kolobkom/glava-i-volshebnyj-kolobok.htm> (дата обращения: 15.12.2019).

¹¹ Там же.

ином каком языке не говори oprичь ихняго: изловчайся как сможешь»¹². С учётом того, что поморы, говоря на руссенорске, воспринимали его как норвежский, это означает, что промышленники действительно должны были в XVIII — первой половине XIX в. использовать или руссенорск, или норвежский язык.

Экипажи промысловых судов, останавливавшиеся в Норвегии кратковременно, вряд ли знали норвежский и не имели необходимости его учить. Но так как им было необходимо что-то покупать или продавать в Норвегии, то вполне возможно, что среди членов экипажа были люди, имевшие знания руссенорска.

Путь в Норвегию из Архангельска и со Шпицбергена знали не только кормщики, но обязательно кто-то ещё из команды на случай гибели кормщика, т.е. это были поморы, имевшие опыт плавания в Норвегию, следовательно, и опыт общения (скорее всего, на руссенорске). Иногда в промысловых экспедициях участвовали кормщики, которые до этого занимались торговлей с Северной Норвегией. Так, например, погибший в 1851 г. на Шпицбергене Иван Гвоздарев в 1827 г. участвовал в торговле с Норвегией и был задержан за попытку запрещённого ввоза из Норвегии вина, рома и ситца¹³. Его отец Яков Гвоздарев также ездил по торговым делам в Северную Норвегию.

В ходе зверобойных промыслов на островах Шпицбергена контакты поморов и норвежцев были кратковременными, чаще всего они были вызваны чрезвычайными обстоятельствами. В этих условиях попросить о помощи или объяснить бедственную ситуацию можно было, зная руссенорск, хотя в крайних случаях могли использоваться и жесты. Помочь спасённым поморам после прибытия в Норвегию могли и русские консулы, в том числе с оформлением каких-либо документов и с решением других важных вопросов.

В поморских экспедициях, отправлявшихся на Шпицберген, главным был кормщик. Он знал маршрут и места становищ на архипелаге, управлял судном, ему организатор экспедиции поручал снаряжение и припасы. Именно кормщик по поручению купца мог продавать добычу в Норвегии на обратном пути. Кроме кормщика в экипажи входили опытные охотники и гарпунеры, а также простые работники, новички и непрофессионалы, набираемые из крестьян, отставных солдат и мещан. Следовательно, владеть руссенорском или норвежским языком нужно было только кормщику и, как было указано ранее, кому-то ещё из команды, на всякий случай. В экипажи мог входить полукормщик, который помогал кормщику и перенимал его знания и навыки. Например, отправившийся в 1851 г. кормщиком на Шпицберген Василий Калинин в 1835 г. ходил туда полукормщиком.

Кормщики и полукормщики чаще всего были из населённых пунктов, активно участвовавших в поморско-норвежской торговле, — Кеми, Онеги, Архангельска, Мезени. Они имели возможность выучить руссенорск если не в своих семьях, то в своей среде, обучаясь

¹² Максимов С.В. Год на Севере. М., 1890. С. 316. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/maks/imov/> (дата обращения: 15.12.2019).

¹³ ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 864. Л. 352.

искусству мореплавания и накапливая опыт хождения в Норвегию и общаясь там с торговцами и рыбаками. Можно привести несколько фраз на руссенорске, взятых из записей одного из первых собирателей сведений об этом языке Й.К. Квигстада, сделанных в беседе с таможенным кассиром А. Андреасеном из Тромсё [16, Broch I., Jahr E.H., с. 113-114]. Эти примеры показывают, что, зная руссенорск, норвежские и поморские промышленники могли общаться и получать необходимую информацию.

Drasvi, gammel go ven på toja! (Здравствуй, мой старый добрый друг!)

Nogoli dag tvoja reisa på Arkangel otsuda? (Сколько дней ты добирался сюда от Архангельска?)

Tri vegel, grot storm (eller motvin). (Три недели, сильный шторм (или встречный ветер.)

Grot stoka på gaf. (Сильный шторм на море.)

Koda tvoja stan-or? (Где ты останавливался?)

Ja på madam klerk tri daga ligge ne. (Я останавливался на три дня в доме госпожи Клерк в Эльвенесе.)

Mangoli år tvoja? (Сколько тебе лет?)

Pedisat (50). Tvoja starik. (Ты старик.)

Njeto. Ja grot sterk (Нет. Я очень сильный.)

Kak tvoja levom? Vasiba, korosjo. (Как ты? Спасибо, хорошо.)

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в составе поморских промысловых экспедиций всегда было как минимум два человека, которые знали руссенорск или могли общаться на норвежском языке. Охотники и гарпунеры, не имевшие опыта совместных промыслов с норвежцами, и простые работники руссенорском или другим иностранным языком не владели и в лучшем случае могли знать отдельные слова или фразы. Норвежские экипажи формировались по аналогичному принципу. Суда отправлялись из Хаммерфеста и Тромсё — центров поморско-норвежской торговли, где рыбаки и торговцы знали руссенорск. Накануне организации экспедиции шкиперы старались получить информацию о промыслах от поморов в Норвегии. Остальные члены экипажей, семьи которых никогда не занимались торговлей с поморами, руссенорска не знали. Руссенорск являлся торговым языком, лексически ограниченным, но, как показывают источники, он мог использоваться не только для заключения торговых сделок. Следовательно, на Шпицбергене языковые контакты осуществлялись, скорее всего, посредством норвежских шкиперов, поморских кормщиков и полукормщиков. Общение происходило на руссенорске или разговорном норвежском языке.

Исследование международных языковых контактов в ходе экспедиций на Шпицберген предполагает дальнейшие поиски источников, прежде всего, норвежских, в которых бы находилась информация, например, о пребывании поморов в Северной Норвегии по пути на Шпицберген или по дороге обратно, что может помочь в определении языка, на котором происходило общение и на архипелаге. Подобные сведения следует также искать среди та-

моженных и судебных документов и делопроизводственной документации местных органов власти как с русской, так и с норвежской стороны. Изучение вопроса о языке поморско-норвежских контактов в процессе освоения Шпицбергена во второй половине XVIII — первой половине XIX в. может расширить представление о руссенорске и выявить новые подробности как истории русско-норвежских отношений, так и процесса освоения Шпицбергена.

Литература

1. Hacquebord L. Three Centuries of Whaling and Walrus Hunting in Svalbard and its Impact on the Arctic Ecosystem // *Environment and History*. 2001. Vol. 7. No. 2. Special issue “Beyond Local, Natural Ecosystems” (May). Pp. 169–185.
2. Thuen T. Two epochs of Norwegian-Russian trade relations: From symmetry to asymmetry // *Acta Borealia*. 1993. No. 10 (2). Pp. 3–18.
3. Avango D., Hacquebord L., de Haas H.R., Kruse F., Aalders Y.I., Gustafsson U.I. Between markets and geo-politics: natural resource exploitation on Spitsbergen from 1600 to the present day // *Polar Record*. 2011. Vol. 47. Issue 1. Pp. 29–39.
4. Jasinski M.E. Russian Hunters on Svalbard and the Polar Winter // *Arctic*. 1991. Vol. 44. No. 2. Pp. 155–182.
5. Conway M. No man’s land. Damms Antikvariat. Oslo, 1995. 377 p.
6. Арлов Т.Б. История Архипелага Шпицберген. Монография. М., ФГУП ГТ «Арктикуголь», 2016. 592 с.
7. Шидловский А.Ф. Шпицберген в русской истории и литературе. СПб., 1912. 81 с.
8. Визе В.Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII–XIX вв.: Биографический словарь. М.-Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 72 с.
9. Lønø O. Norske fangstmenns overvintringer. Oslo, 1972. 72 s.
10. Nielsen J.P. Ishavet er vår åker // *Norsk Polarhistorie*. Gyldendal Norsk Forlag, Oslo, 2004. Bd. III, S. 47–109.
11. Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814–1917. Red. J.P. Nielsen. Oslo, Pax Forlag, 2014. 643 s.
12. Hultgren T. Den russiske fangsten på Svalbard. Tromsø. University of Tromsø. 2003. 324 s.
13. Перевалов В.А. Ломоносов и Арктика. Монография. М.-Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 503 с.
14. Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э. Европейская Арктика: морские зверобойные промыслы Выговского старообрядческого общежителства в XVIII–XIX веках. Монография. Архангельск, Лодия, 2016. 188 с.
15. Peterson R.E. Russenorsk: A little known aspect of Russian-Norwegian relations // *Studies in language*. 1980. No. 4/2. Pp. 249–256.
16. Broch I., Jahr E.H. Russenorsk – et pidginspråk i Norge. Oslo. Novus Forlag. 1981. 165 s.
17. Harper D.A. Trade, Language and Communication. Colloquium on Market Institutions & Market Processes, Economics Department. New York University, September 2004. Workshop in Politics, Philosophy and Economics, Economics Department, George Mason University, January 2005. 118 p.
18. Jahr E.H. On the pidgin status of Russenorsk // *Language contact in the Arctic: northern pidgins and contact languages*. Ed. by Ernst Hakon Jahr; Ingvild Broch. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996. Pp. 107–122.
19. Lunden S.S. 1978. Tracing the ancestry of Russenorsk // *Slavia Orientalis*. 1978. No. 27/2. Pp. 213–217.

References

1. Hacquebord L. Three Centuries of Whaling and Walrus Hunting in Svalbard and its Impact on the Arctic Ecosystem. *Environment and History*, 2001, vol. 7, no. 2, special issue “Beyond Local, Natural Ecosystems” (May), pp. 169–185.

2. Thuen T. Two epochs of Norwegian-Russian trade relations: From symmetry to asymmetry. *Acta Borealia*, 1993, 10 (2), pp. 3–18.
3. Avango D., Hacquebord L., de Haas H.R., Kruse F., Aalders Y.I., Gustafsson U.I. Between markets and geo-politics: natural resource exploitation on Spitsbergen from 1600 to the present day. *Polar Record*, 2011, vol. 47, iss. 1, pp. 29–39.
4. Jasinski M.E. Russian Hunters on Svalbard and the Polar Winter. *Arctic*, 1991, vol. 44, no. 2, pp. 155–182.
5. Conway M. *No man's land*. Oslo, Damms Antikvariat, 1995. 377 p.
6. Arlov T.B. *Istoriya Arkhipelaga Shpitsbergen* [History of the Svalbard archipelago]. Moscow, Arktikugol' Publ., 2016. 592 p. (In Russ.)
7. Shidlovskiy A.F. *Shpitsbergen v russkoy istorii i literature* [Svalbard in Russian history and literature]. Saint Petersburg, 1912. 81 p. (In Russ.)
8. Vize V.Yu. *Russkie polyarnye morekhody iz promyshlennykh, torgovykh i sluzhilykh lyudey XVII–XIX vv.: Biograficheskii slovar'* [Russian polar navigators from producers', commercial and service people of the 17th-19th centuries]. Moscow; Leningrad, Glavsevmorput' Publ., 1948. 72 p. (In Russ.)
9. Lønø O. Norske fangstmenns overvintringer. Oslo, 1972. 72 p.
10. Nielsen J.P. Ishavet er vår åker. *Norsk Polarhistorie*. Oslo, Gyldendal Norsk Forlag, 2004, Bd. III, pp. 47–109.
11. Nielsen J.P., ed. *Russland kommer nærmere. Norge og Russland 1814–1917*. Oslo, Pax Forlag, 2014, 643 p.
12. Hultgren T. *Den russiske fangsten på Svalbard*. Tromsø, University of Tromsø Publ., 2003, 324 p.
13. Perevalov V.A. *Lomonosov i Arktika* [Lomonosov and Arctic]. Moscow; Leningrad, Glavsevmorput' Publ., 1949, 503 p. (In Russ.)
14. Bryzgalov V.V., Ovsyannikov O.V., Yasinski M.E. *Evropeyskaya Arktika: morskije zveroboynye promysly Vygovskogo staroobryadcheskogo obshchegitel'stva v XVIII – XIX vekah* [European Arctic: mammal hunting of the Vygov old believers' community in the 18th-19th centuries]. Arhangel'sk, Lodiya, 2016. 188 p. (In Russ.)
15. Peterson R.E. Russenorsk: a little known aspect of Russian-Norwegian relations. *Studies in language*, 1980, no. 4/2, pp. 249–256.
16. Broch I., Jahr E.H. *Russenorsk – et pidginspråk i Norge*. Oslo, Novus Forlag, 1981, 165 p.
17. Harper D.A. *Trade, Language and Communication*: Proc. Colloquium on Market Institutions & Market Processes, Economics Department, New York University, September 2004, and Workshop in Politics, Philosophy and Economics, Economics Department, George Mason University, January 2005. 118 p.
18. Jahr E.H. On the pidgin status of Russenorsk. *Language contact in the Arctic: northern pidgins and contact languages*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1996, pp. 107–122.
19. Lunden S.S. Tracing the ancestry of Russenorsk. *Slavia Orientalis*, 1978, no. 27/2, pp. 213–217.

Статья принята 15.01.2020.